

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ЯЗЫКОВ И ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ

И. Я. Селютина

**ЗВУКОВЫЕ СИСТЕМЫ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ**

Учебное пособие

Как известно из общей фонологии, звук — это упаковка звуковых сплошных и прерывистых вибраций, а звукость — это способность воспринимать эти вибрации. Важно отметить, что звук и звукость — это разные понятия. Звук есть физическая величина, а звукость — это способность воспринимать звуки. Звук — это физическая величина, а звукость — это способность воспринимать звуки. Звук — это физическая величина, а звукость — это способность воспринимать звуки.

Новосибирск
2008

Г-860-2008-2-8325-3

ББК 81.2-1 Сиб.

УДК 81 34

C298

Селютина И. Я. Звуковые системы языков народов Сибири: Учеб.
пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2008. 48 с.

ISBN 978-5-94356-638-7

Учебное пособие содержит результаты новейших инструментальных исследований звукового строя языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов. В нем освещается общность и специфика системно-структурной организации вокальных и консонантных систем в языках урало-алтайской общности прежде всего в южносибирских тюркских языках.

Пособие предназначено для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов вузов.

Ответственный редактор
д-р филол. наук Н. Н. Широбокова

Рецензенты:
д-р филол. наук М. И. Черемисина, канд. филол. наук Г. Г. Куркина,
канд. филол. наук Н. С. Уртегешев

Печатается по решению
кафедры языков и фольклора народов Сибири НГУ

Издание подготовлено в рамках выполнения инновационно-образовательной программы «Инновационные образовательные программы и технологии, реализуемые на принципах партнерства классического университета, науки, бизнеса и государства» национального проекта «Образование».

© Новосибирский государственный
университет, 2008
© Селютина И. Я., 2008

ISBN 978-5-94356-638-7

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СИБИРИ

Консонантные системы в языках народов Сибири

Качественные (квалитативные, лат. *qualis* ‘какой, какого качества’) и количественные (квантитативные, лат. *quantum* ‘сколько’) характеристики согласных вступают в различные отношения, определяя тем самым качественное своеобразие фонических и фонологических систем. Любая из характеристик согласного потенциально (лат. *potentia* ‘возможность’) релевантна (англ. *relevant* ‘существенный’ — способный служить для различия языковых единиц), т. е. может оказаться фонематической, системообразующей, но в каждом из языков вопрос о статусе, положении данной характеристики, данного параметра согласного решается по-своему: в русском языке палатализация — это фонематический признак согласных (*тол* [tol] — *толь* [tol'], *вес* [v'es] — *весь* [v'es'], *стал* [stal] — *сталь* [stal'], *пар* [par] — *парь* [par'], *кон* [qon] — *конь* [qon']), а в тюркских — нефонематический, оттенковый признак, обусловленный сочетаемостью с другими звуками в слове, например, алт. *бар* [barg] ‘есть, имеется’ — *бер* [barg'] ‘дай!’. С другой стороны, длительность гласных и согласных в алтайском языке — релевантный, т. е. фонематический признак, а в русском — оттенковый, например, алт. *алты* «алт:ь» ‘шесть’ — *алды* «алдь» ‘взял’ (в слове *алты* согласный *t* «t:» — оттенок долгой фонемы [:], а в слове *алды* согласный звук *d* — оттенок краткой фонемы [t]); рус. *кол* [kol] — *гол* [gol] (значение слов различается благодаря противопоставлению согласных фонем [k] и [g] по глухости / звонкости, большая длительность звука «k» по сравнению со звуком «g» является сопутствующим оттенковым признаком). Системы сибирских языков имеют свою специфику, которая и обусловила их место в ряду других языков мира.

Как известно из общей фонетики, одной из универсальных оппозиций согласных является оппозиция по шумности-сонорности. В традициях индоевропейского языкознания все согласные по количеству шума в их спектре делятся на шумные и сонорные. Шумные делятся на глухие и звонкие (полнозвонкие и полузвонкие). Сонорные же обязательно должны быть звонкими, что следует уже из самого термина сонорность — звучность (лат. *sonoritas* ‘звукный’). Сонорные занимают промежуточное положение между

гласными и шумными согласными — в них больше шума, чем в гласных, но меньше, чем в шумных согласных. Сонорные более звучные, чем шумные звонкие согласные, но менее звучные, чем гласные.

В языках Сибири и сопредельных регионов, входящих в состав трёх типологических общностей — алтайской (туркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки), уральской (финно-угорские и самодийские языки) и палеоазиатской (чукотско-корякские и эскимосско-алеутские языки), согласные, традиционно определяемые как сонорные, качественно отличаются от своих индоевропейских аналогов (лат. *analogos* ‘соответственный’).

В языках указанных семейств согласные *m* «*м*», *n* «*н*», *l* «*л*», *r* «*г*», *ň* «*ң*», *й* «*յ*», *ң* (н) «*ң*», а также губные неносовые различного качества — плоскощелевые *b* «*β*» (кум. *ава* ‘отец’) и *v* «*v*», круглощелевой *w* «*w*» (туб. «*taw*» ‘гора’); боковые — переднеязычный глухой *ʃ* «*ʃ*» и среднеязычный *ʎ* «*ʎ*»; в калмыцком языке также сонантизированный переднеязычный круглощелевой з *z̠* — все эти так называемые сонорные согласные в определенных позиционно-комбинаторных условиях могут реализоваться в глухих оттенках (аллофонах): это звуки *m* «*м*», *n* «*н*» в чукотско-камчатских языках, полностью глухие звуки *ʃ* «*ʃ*» и *ʎ* «*ʎ*» в самодийских и обско-угорских языках, а также в некоторых тюркских языках алтее-саянского нагорья (хакасском, шорском, северных диалектах алтайского), в монгольском.

Наиболее полно рассматриваемая особенность звуковых систем проявляется в языках уральской группы. Экспериментально-фонетические исследования проводились в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН по северо-самодийским языкам (ненецкому, энечкому, ноганасанскому) и по одному из обско-угорских языков (хантыйскому).

Как показывают инструментальные данные, в лесном наречии ненецкого языка наряду со звонкими *l* «*л*» и *ʎ* «*ʎ*» употребляются глухие звуки — твердый *ʃ* «*ʃ*»: *ʃetu* ‘толстый’, *kaʃ* ‘нож’ и палатализованный *ʃ* «*ʃ*»: *ʃ'ertəz* ‘расстелить’. При этом глухие звуки — и твердый «*ʃ*», и смягченный «*ʃ*» могут факультативно замещаться звонкими «*l*» и «*ʎ*»: *maʃ'eku* ~ *mal'ʃku* ‘шкура без шерсти’, т. е. так называемая сонорная фонема реализуется в ненецком (лесное наречие) преимущественно в глухих, и лишь отчасти — в звонких оттенках. В энечком языке сонорные согласные фонемы могут проявляться в полностью глухих оттенках (фонема *n* [n]) или в наполовину оглушенных аллофонах (фонемы *m* [m], *n* [n], *r* [r]); в ноганасанском и

хантыйском языках глухие компоненты могут составлять до 80–100 % длительности «сонорных» согласных.

Эта же закономерность отмечается и в тюркских языках Южной Сибири — алтайском, хакасском, шорском, тувинском, тофском.

Проведенное М.Ч. Чумакаевой экспериментально-фонетическое исследование алтайского литературного языка, созданного на базе онгудайского говора диалекта алтай-кижи, показало, что фонема *l* [l] по преимуществу звонкая, но в середине слова перед шумными долгими глухими согласными *m* [t:], *ч* [h:], *к* [k:] (т. е., в позиции -V1C:V-) конечный глухой компонент звука «*l*» может составлять до 74 % всей длительности звука, например: *оролчок* [օրօլի՛կ:զպ] ‘вьющийся’, *алты* [ալտ:չ] ‘шесть’, *салын* [սալչ:նըն] ‘ветер’, *түлкү* [туլկ:չ] ‘лиса’.

То же — в середине слова после шумных глухих (в позиции -VC:IV-): фонема [l] оглушается, реализуясь в начальноглухих оттенках, например, *атла* [ալ:չա] ‘конный, с конём’.

В конце слова фонема [l] также оглушается, являясь конечноглухим звуком, например: *al* [ալ] ‘возьми’, *чугул* [իլ:սոզլ] ‘гнев’.

Фонема *r* [r] в алтайском языке в середине слова может оглушаться перед шумными глухими (в позиции -VrC:V-): *арка* [արչ:ա] ‘спина’, *коркы* [օրգչ:չ] ‘бойся’, *артык* [արտ:չչ] ‘лишний’ (от 18 до 66 % всей длительности «сонорного» звука может составлять глухость). Оглушается [r] также в медиальном (лат. *medialis* ‘средний’) сочетании из трёх согласных: *teerptek* [tз:p:tæk] ‘лепешка из пресного теста’, *јымыртка* [һымыրt:չա] ‘яйцо’, *арслан* [արշլան] ‘лев’. Оглушается *r* и в финальном (конечном) сочетании с глухим согласным: *mörpt* [tօրt:րt] ‘четыре’, *курч* [խորt:հչ] ‘острый’, а также и в абсолютном конце слова: *андар* [անդար] ‘зверь’, *эр* [էր] ‘мужчина’.

Фонема *й* [j] в тех же позициях в середине слова перед шумными долгими глухими согласными или на конце слова может оглушаться (до 73 % длительности всего «сонорного» звука), оттенки фонемы [j] в этих позициях являются конечноглухими: *тойтык* [tօj:չչչ] ‘крикой’, *кайка* [խայչա] ‘удивляйся!’, *айтпа:н* [այշթր:ն] ‘не сказал’, *айтты* [այշտt:ն] ‘сказал’, *айт* [այշt] ‘говори!’, *ай* [այչ] ‘месяц’, *öй* [օj:չ] ‘время’.

Итак, в алтайском (онгудайском) в определенных позициях в слове оглушаются согласные [l, r, j], которые принято считать сонорными, т. е. звучными; носовые же сонорные согласные [m, n, ң, յ] в алтайском языке всегда звонкие.

В чалканском — северном диалекте алтайского языка носовые [m, n, l, ɳ] также всегда звонкие, плавные же [l] и [r] могут оглушаться.

В другом северном диалекте алтайского — кумандинском также оглушаются фонемы [l, r, j, ɿ] в середине слова перед долгим глухим согласным и в финальной позиции в слове, причем глухость может составлять 76 % всей длительности «сонорного» звука: *алты* [aɫt:ɿ] ‘шесть’, *түлкэ* [tyɻk:ɿ] ‘лиса’, *ерте* [eɻt:ɿ] ‘рано’, *ийт* [iɻct] ‘собака’, *бир* [biɿ] ‘один’, *егбиг* [eɻbɪɿ] ‘проводка’, *ег* [eɿ] ‘подбородок’.

Непоследовательно реализуется признак сонорности (звукности) и в монгольских языках.

В халха-монгольском языке функционируют 11 «сонорных» фонем, которые могут реализоваться в звонких, частично-глухих и в полностью глухих оттенках.

В бурятском языке носовые [m, m', n, n', ɳ] — всегда звонкие; боковые согласные твёрдый [l] и смягчённый [l'] в финальной позиции могут иметь глухость, составляющую 60 % всей длительности звука. Но наибольшему оглушению почти во всех позициях в словоформе подвергаются оттенки фонем [r] и [r'], глухость которых может составлять более 80 % всей длительности звука.

В калмыцком языке носовые и плавные [m, n, l, r, ɳ, ɿ] могут иметь глухое начало в аялауте (т. е. в абсолютном начале слова) и глухой конец в ауслауте (в абсолютном конце слова): [t'mana] ‘наш’, [χadaml̩] ‘родня по мужу, жене’; [t'naɣal̩] ‘солнце’, [dɛl̩] ‘грива’; [gaz-raq̩] ‘по земле’, [aɿ̩] ‘зверь’.

Таким образом, объективный экспериментальный материал по языкам народов Сибири свидетельствует о том, что использование термина «сонорность» для квалифицирования согласных типа «m, n, r, l, t, ɿ, ɿ, ɳ, ɿ, ɿ, ɿ, ɿ, ɿ», а также «β, v, w, z», неадекватно (нетождественно, несоответственно; от лат. *adaequatus* ‘приравненный’) применительно к языкам народов Сибири, поскольку оттенки этих согласных фонем не всегда являются звонкими, звучными.

В.М. Наделяев предложил термины **малошумность**, **малошумные согласные**, т. е. согласные, артикулируемые с меньшей степенью шума, чем шумные согласные.

Малошумность — это характеристика согласных с акустической точки зрения, в артикуляторном плане они определяются

как **сверхслабые**, т. е. согласные, производимые при очень слабой степени мускульной напряженности речевого аппарата.

Системы согласных в большинстве языков Сибири можно представить на рис. 1:

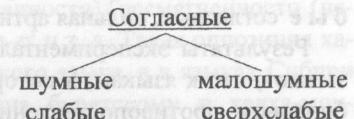

Рис. 1

Типы систем согласных фонем

Еще в 1959 г. В.М. Наделяев высказал гипотезу о функционировании в тюркских языках четырех типов систем согласных фонем:

1. Системы с оппозицией по степени напряженности: сильные / слабые / сверхслабые согласные.
2. Системы, организованные противопоставлением по работе голосовых связок: глухие / звонкие / сонорные согласные фонемы.
3. Системы, структурируемые противопоставлением согласных по длительности: краткие / долгие / нейтральнодолготные фонемы.
4. Системы с противопоставлением шумных согласных по придыхательности: шумные аспирированные / шумные неаспирированные / сонантные фонемы.

Сопоставление результатов экспериментально-фонетического изучения языков народов Сибири и сопредельных регионов свидетельствует о существовании в урало-алтайских языках первых трех типов консонантных фонологических систем (рис. 9); четвертый же тип систем, организованных противопоставлением согласных фонем по придыхательности, в языках Сибири — тюркских и нетюркских — в чистом виде не зафиксирован: как правило, аспирация является признаком, сопутствующим другим конститтивно-дифференциальным признакам согласных.

Консонантные системы с оппозицией по напряженности

Системы, структурируемые оппозицией по степени напряженности артикулирующих органов, представлены двумя подтипами:

- а) системы с **двойной** (*бинарной*, лат. *binarius* ‘двойной’) оппозицией слабых и сверхслабых согласных;
- б) системы с **тройным** (*трихотомическим*, греч. *tricha* ‘на три части’ + *tome* ‘сечение’) противопоставлением сильных, слабых и сверхслабых согласных.

Системы с двойной оппозицией по напряженности

В консонантных системах этого подтипа различают только две степени артикуляторной напряженности: **с л а б ы е / с в е р х с л а б ы е** согласные; сильная артикуляция здесь невозможна.

Результаты экспериментально-фонетических исследований показывают, что к языкам, в которых системы согласных базируются на бинарном противопоставлении фонем по степени мускульной напряженности, относятся языки уральской общности, в частности, северо-самодийские языки — энецкий, ненецкий, нганасанский; южно-самодийский — селькупский; обско-угорский — хантыйский (рис. 2).

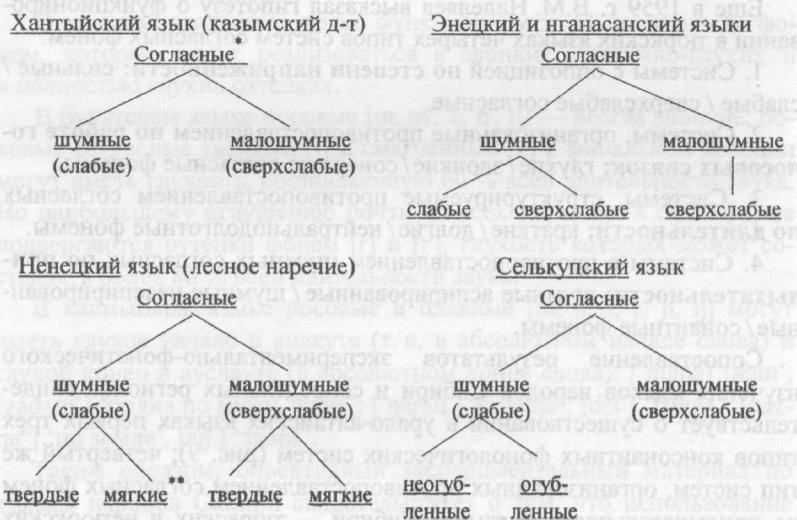

Рис. 2

Как видно из приведенных схем, наиболее простая система согласных функционирует в казымском диалекте хантыйского языка. В энцком (диалект бай) и нганасанском (авамский диалект) языках

* Во всех схемах систем согласных фонем не представлены (из соображений экономии места) оппозиции по способу образования и по активному артикулирующему органу, выделяемые на следующих этапах анализа.

** Традиционный термин «мягкие» согласные, используемый в русистике, представляется неудачным, точнее было бы говорить о «смягчённых», т. е. палатализованных согласных. Мягкими следует считать среднеязычные согласные.

сверхслабыми являются не только малошумные согласные, но и шумные звонкие. Ненецкий консонантизм выделяется в ряду уральских языков проходящим по всей системе согласных противопоставлением по смягченности (палатализованности) / несмягченности (непалатализованности): $p-p'$, $m-m'$, $t-t'$, $n-n'$ и т. д. Такая оппозиция характерна для системы согласных русского языка, а в языках Сибири и сопредельных регионов свойственна бурятскому и халха-монгольскому языкам. Очень своеобразная консонантная система представлена в селькупском языке: шумные согласные могут быть лабиализованными и нелабиализованными, причем это противопоставление фонематично: $t-t^B$, $k-k^B$, $q-q^B$, $s-s^B$, $\text{hc}-\text{hc}^B$ (диакритический надбуквенный знак B означает плоскощелевую лабиализацию звука).

Системы с тройной оппозицией по напряженности

В консонантных системах этого подтипа различают три степени артикуляторной напряженности: **с и л ь н ы е / с л а б ы е / с в е р х - с л а б ы е** согласные. Такие системы зафиксированы в байкало-саянских тюркских и монгольских языках: тувинском, тофском, саларском, сарыг-югурском; халха-монгольском, калмыцком.

В тувинском языке в абсолютном начале слова выделяются сильные придыхательные согласные n [p^c] и m [t^c], например, звук « p^c » в словах: *nar* [$p^c ar$] ‘тигр’, *nash* [$p^c aʃ$] ‘котел’, *nam* [$p^c at$] ‘никчёмный, никуда не годный’ (на письме обозначается буквой *n*).

В этой же позиции начала слова в тувинском языке употребляются слабые непридыхательные согласные b [p], d [t], например, звук « p » в словах: *bar* [par] ‘есть, имеется’, *bash* [$paʃ$] ‘голова’, *bat* [pat] ‘спускайся’ (на письме обозначается буквой *b*).

Наличие таких квазиомонимов, как *nash* [$p^c aʃ$] ‘котел’ — и *bash* [$paʃ$] ‘голова’, *nar* [$p^c ar$] ‘тигр’ и *bar* [par] ‘есть, имеется’, *nam* [$p^c at$] ‘никчёмный, никуда не годный’ и *bat* [pat] ‘спускайся’ свидетельствует о том, что звуки « p^c » и « p » выступают представителями двух разных фонем [p^c] и [p], а противопоставление сильных и слабых согласных является фонематическим, релевантным для тувинского языка.

Кроме того, в тувинском литературном языке есть и сильные непридыхательные звуки n « p », m « t », которые употребляются в середине слова — в интервокальной позиции (между двумя гласными) или после сонорного согласного, например, звук « p » в словах: *anaap*

[ара:г] ‘становиться’, *сыыгыр* [съръфыр] ‘узкоглазый’ (на письме обозначается буквой *n*). — Монголо-тунгусская языковая общность

Поскольку сильные согласные звуки — придыхательный «*p̥*» и непридыхательный «*p*» — употребляются во взаимоисключающих позиционно-комбинаторных условиях («*p̥*» только в начале слова, «*p*» только не в начале слова), эти звуки по третьему правилу выделения фонем, сформулированному Н.С. Трубецким, являются оттенками одной сильной фонемы [p̥].

Те же закономерности отмечаются и для переднеязычных смычных согласных — сильная фонема *m* [t̥] реализуется в начале слова в придыхательных оттенках [t̥], в других позициях — в непридыхательных [f]; кроме того, в языке функционирует слабая фонема *ə* [t], например: *таан* [t̥a:n] ‘галка,’ *орту* [ɛt̥u] ‘середина’, *айтыр* [ajt̥yṛ] ‘указывать’, *даг* [taq] ‘гора’.

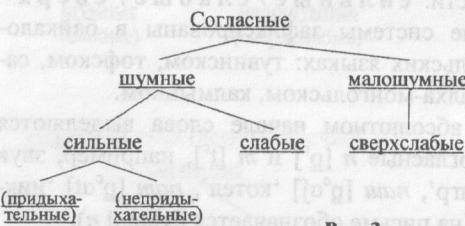

Рис. 3

Таким образом, в тувинском языке действует двойное противопоставление шумных согласных по степени мускульной напряженности — сильные/слабые фонемы: [p̥]–[p], [t̥]–[t]; малошумные же [m], [n] являются сверхслабыми фонемами. В таком случае, система согласных в целом организована тройной оппозицией сильных / слабых / сверхслабых фонем: [p̥]–[p]–[m], [t̥]–[t]–[n] (рис. 3).

В калмыцком языке система согласных также построена по трехтомическому принципу: сильные / слабые / сверхслабые фонемы (рис. 4). Сильные согласные *p*, *t*, *t̥*, *s*, *ʃ*, *h*, *ħ*, *k*, *χ* характеризуются относительно сильной напряженностью активного артикулирующего органа и относительно сильной воздушностью. Эти согласные, как

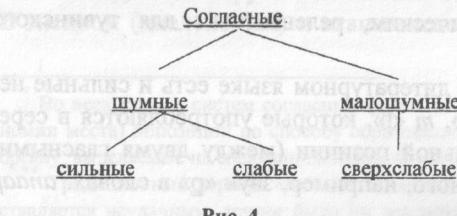

Рис. 4

правило, являются глухими. Слабые согласные *b*, *d*, *f*, *f̥*, *g*, *g̥* образуются при меньшей напряженности активного органа и меньшей воздушности, чем соответствующие сильные.

Слабые согласные выступают в глухих, звонких и полузвонких (с начальной глухостью) оттенках в абсолютном начале слова, в звонких — в интервокальном положении и в сочетании со сверхслабыми малошумными, в полузвонких (с начальной звонкостью) — в абсолютном конце слова после гласного.

Сверхслабые согласные *m*, *v*, *n*, *z*, *g*, *l*, *p̥*, *λ*, *j*, *q̥* артикулируются при еще более слабой напряженности и меньшей воздушности, чем слабые, и тем более, чем сильные согласные. В середине слова в интервокальной позиции они являются обязательно звонкими, в абсолютном начале слова, как правило, начальноглухими, в абсолютном конце слова — конечноглухими.

В халха-монгольском языке функционирует в принципе та же система, что и в калмыцком

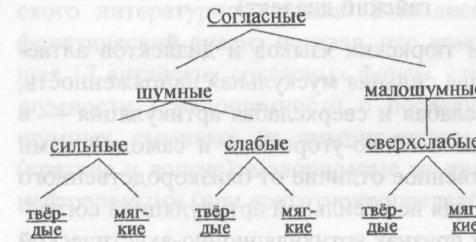

Рис. 5

— согласные состоят в оппозиции по силе/слабости/сверхслабости, но на следующем уровне разбивения согласные делятся на твердые и мягкие; точнее было бы говорить о смягченных и несмягченных, т. е. палатализованных и непалатализованных согласных (рис. 5).

Консонантные системы с оппозицией по звонкости / глухости

Оппозиция *по работе голосовых связок* является системообразующей для консонантизма тунгусо-маньчжурских языков, а из тюркских языков Сибири — для якутского и долганского (рис. 6).

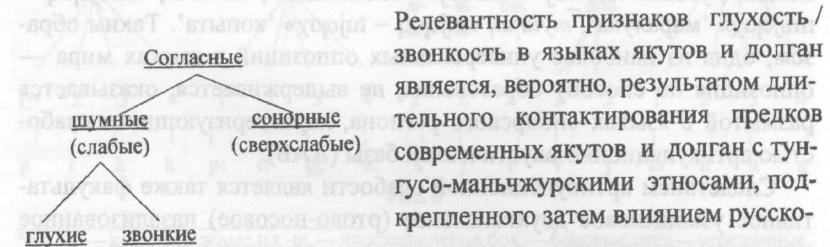

Рис. 6

Релевантность признаков глухость / звонкость в языках якутов и долган является, вероятно, результатом длительного контактирования предков современных якутов и долган с тунгусо-маньчжурскими этносами, подкрепленного затем влиянием русского языка, для которого также характерно противопоставление шумных согласных по звонкости / глухости.

Консонантные системы с оппозицией по длительности

В целом ряде тюркских языков Южной Сибири выявлены системы согласных, основанные на противопоставлении фонем по количественным (квантитативным) характеристикам, т. е. *по длительности*. Обобщенно эта система представлена на рис. 7:

Рис. 7

Для консонантных систем тюркских языков и диалектов алтаяско-саянского нагорья нехарактерна сильная мускульная напряженность, для них свойственна только слабая и сверхслабая артикуляция — в этом заключается их сходство с обско-угорскими и самодийскими языками (см. рис. 2) и существенное отличие от близкородственного тувинского языка с типичной для него сильной артикуляцией согласных (см. рис. 3). Слабость как признак артикуляционно-акустической базы проявляется и в том, что традиционно смычные согласные могут быть реализованы в речи не только в смычных и слабосмычных аллофонах, но и в узкощелевых и щелевых оттенках, например, алт. *батпак* «batraq ~ batraq» ‘крышка’, *сабат* «sabat ~ sabat» ‘ведро’; кум. *ябу* «ħábu ~ ħábú» ‘одеяло’, *кебе* «kebe ~ keβe» ‘печь’, *макатыр* «tákátyr ~ táoqátyr» ‘богатырь’; туб. *парвас* «prágħas ~ párbas» ‘не пойдет’, *јовош* «ħowos ~ ħobos» ‘спокойный’, *мыйғақ* «tъjøqaq ~ tъjøraħ» ‘маралуха’, *түйғақ* «tøjøqaq ~ tøjøħa» ‘копыта’. Таким образом, одна из наиболее универсальных оппозиций в языках мира — оппозиция по способу образования, не выдерживается, оказывается размытой в языках сибирского региона, характеризующихся слабостью артикуляционно-акустической базы (ААБ).

Следствием артикуляционной слабости является также факультативное узкощелевое двухканальное (ротово-носовое) назализованное произношение согласных, традиционно являющихся смычными одноканальными носовыми — *m*, *n*, *r*, *ŋ*, *ɳ*: **кум.** *мал* «mál ~ þál» ‘скот’, *мен* «mén ~ tēñ» ‘я’. Этой же причиной обусловлено появление ничем не мотивированной назализации гласных и согласных, особенно

к концу слова: **кум.**, **шор.** *сырла* «sýrlā» ‘крась’; мускулатура речевого аппарата настолько ослабевает, что нёбная занавеска провисает, стремясь к нейтральному положению, как при свободном дыхании, воздух проходит через рот и через нос — звук произносится как назализованный. Эти случаи нужно отличать от исторически обусловленной назализации: отпадает финальный носовой (назальный) согласный, но акустический эффект сохраняется путем назализации гласного или согласного, например, *др.-т. қојіп* ‘овца’ → **туб.** *хой* «ħój»; *др.-т. аүгіп* ‘страдать от боли’ → **туб.** *аарыг* «kā:għój’’; *др.-т. söňük* ‘кость’ → **туб.** *сөәк* «sõ:k» (як. «upiоuχ») свидетельствует о том, что в древнетюркском был носовой звук).

Релевантность оппозиции согласных *по длительности* в тюркских языках впервые была доказана М.Ч. Чумакаевой на материале алтайского литературного языка. Выполненный ею экспериментально-фонетический анализ показал, что консонантная система, включающая 17 алтайских согласных фонем, структурируется оппозицией по шумности / малошумности с последующим противопоставлением шумных смычных (и смычно-щелевых) фонем по длительности (краткие и долгие); малошумные же являются фактически долготно-нейтральными (или долготно-неопределёнными; рис. 8).

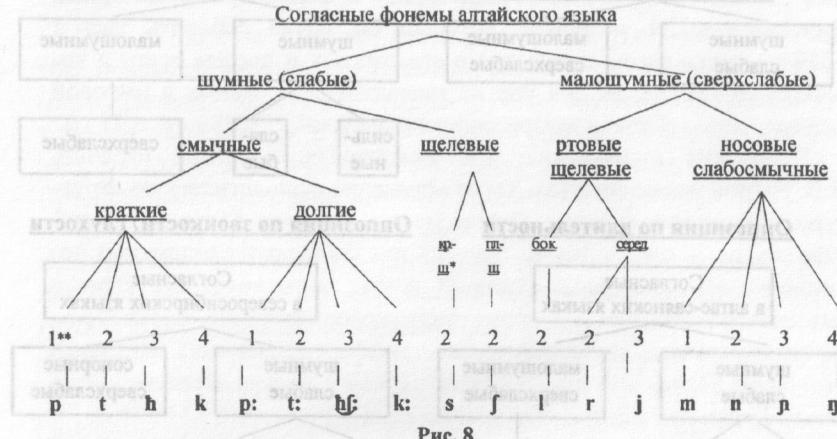

Рис. 8

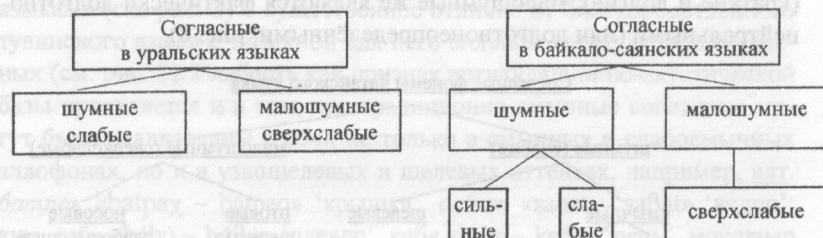
*Кр.-ш. — круглощелевые, пл.-ш. — плоскощелевые, бок. — боковые, серд. — серединные.

** Цифрами в схеме обозначены характеристики согласных по активному артикулирующему органу: 1 — губно-губной, 2 — переднезычный, 3 — среднезычный, 4 — заднезычно-язычковый.

Слабость и сверхслабость как характеристика артикуляционно-акустической базы алтее-саянских тюркских языков является результатом ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского населения и подтверждает высказываемое рядом исследователей предположение о наличии в этнических образованиях Алтее-Саянского нагорья самодийского и обско-угорского субстрата. В этом случае оппозицию согласных по шумности (слабости)/малошумности (сверхслабости) с противопоставлением шумных по краткости/долготе можно рассматривать как результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему с двойным противопоставлением согласных по слабости/сверхслабости тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией силы/слабости/сверхслабости консонантов. Неприемлемая для угро-самодийской ААБ сильная артикуляция реализовалась в языке предков современных народов Алтее-Саян как долгая.

Консонантные системы языков народов Сибири, входящих в циркумбайкальский языковой союз, обобщены на рис. 9.

Оппозиция по степени напряженности

Оппозиция по длительности

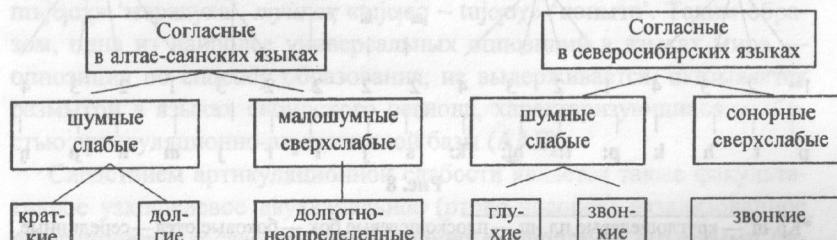

Рис. 9. Системы оппозиций согласных фонем в языках циркумбайкальского языкового союза

Проведенные в ЛЭФИ ИФЛ новейшие экспериментально-фонетические исследования позволили выявить типы систем согласных, ранее не выделявшиеся лингвистами в современных сибирских языках.

Изучение особенностей артикуляционно-акустической базы шорцев, носителей мрасского диалекта, позволило выявить консонантную систему, построенную на тройной оппозиции фонем по положению гортани и языка: *эйктивные / нейтральные / инъективные*. Эйктивные согласные произносятся при поднятой гортани, нейтральные — при нейтральном положении гортани, инъективные — при опущенном положении гортани. Это явление в шорском языке рассматривается как наследие кетского субстрата (кеты — енисейская народность, исторические следы которой обнаруживаются, в частности, в Горной Шории на территории проживания современных шорцев).

Таким образом, экспериментально-фонетические исследования позволяют не только объективно выявить фонологические системы современных языков, но и заглянуть в далёкое историческое прошлое языков и народов.

Вокальные системы в тюркских языках Сибири

Хотя тюркология — сравнительно молодая наука, испытывающая на себе влияние и европеистики, и общего языкоznания, тем не менее, своеобразие строя тюркских языков, большая строгость и упорядоченность их организации нередко были причиной того, что именно в тюркологии впервые ставились и блестяще решались многие важные общелингвистические задачи. Так, еще до возникновения фонологии (зародилась она в России в 70-е годы XIX столетия, основоположником фонологии как самостоятельной дисциплины был русский и польский языковед Бодуэн де Куртенэ) В.В. Радлов дал последовательную чисто фонологическую интерпретацию (лат. *interpretatio* ‘толкование’) сущности тюркского вокализма.

В.В. Радлов (Фридрих Вильгельм), немец по происхождению, увлекся восточными языками. Для их изучения в 1858 г. отправился в Россию и навсегда остался в ней; сначала в Санкт-Петербурге, а с 1859 г. — в Барнауле, учителем высшего горного училища. К нему приехала невеста Паулина Фрольм, ставшая его женой и помощницей. Во время поездок по Алтаю, Хакасии, Восточной Киргизской степи и другим российским территориям В.В. Радлов собрал огромный лингвистический, этнографический и фольклорный материал. Лингвистический материал, который он начал собирать уже в 1859 г., нашел затем отражение в его работах и прежде всего в колоссальном труде, до сих пор не имеющем себе равных в мировой тюркологии, — «Опыт словаря тюркских наречий» (1888 г.—1911 г.).

Приступив к изучению многочисленных тюркских наречий, В.В. Радлов исключительно четко определил фонологическую структуру тюркского вокализма. В речи можно выделить большое количество звуков — один и тот же гласный или согласный в различных позиционно-комбинаторных условиях звучит по-разному, выступает в различных вариантах, но применение лингвистических (смыслоразличительных или семиологических, дифференциальных) критериев позволяет свести все многообразие звуков к весьма ограниченному числу фонем как единиц плана выражения.

В.В. Радлов интуитивно (поскольку теория фонемы возникла позднее), основываясь на личном опыте изучения большого числа тюркских языков, выделил для тюркского вокализма 8 фонем — это так называемая классическая тюркская восьмерка кратких гласных. Эти гласные в различных генетически родственных тюркских языках

субстанциально (материально) различны, т. е. имеют различные качественно-количественные характеристики. В тюркологии взаимокорреспондирующие (соответствующие друг другу) гласные принято обозначать в транскрипции, предложенной В.В. Радловым (Radloff W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1882): а, ё, о, ю, у, і, и, ў. В орфографических системах тюркских языков России гласные фонемы, выявленные В.В. Радловым, обозначаются соответствующими графемами: «а» — а, «ё» — ё (ё), «о» — о, «ю» — ю (ю), «у» — у, «і» — і (і), «и» — и, «ў» — ў (ў).

Структура тюркской системы гласных отличается от большинства других вокалических систем необычайной стройностью, последовательностью, уравновешенностью, а значит — экономичностью. В чем заключается экономичность системы?

Во-первых, любая из восьми фонем определяется комплексом одних и тех же трёх вокалических признаков: признаков ряда, подъёма и огубления.

а (а)	шир., задн. р., неогубл.	у (ы)	узк., задн. р., неогубл.
ё (ё)	шир., перед. р., неогубл.	і (и, і)	узк., перед. р., неогубл.
о (о)	шир., задн. р., огубл.	и (и)	узк., задн. р., огубл.
ю (ю)	шир., перед. р., огубл.	ў (ў)	узк., перед. р., огубл.

Ещё А. Мартине отметил, что «кубические», т. е. основанные на трех признаках системы представляют собой теоретический оптимум (оптимальный, наилучший вариант, лат. *optimum* ‘наилучшее’) в смысле экономичности и устойчивости, причем в реальных языках этот оптимум практически очень редко достигается (Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960).

Во-вторых, строение «восьмерки» гласных идеально симметрично: каждый из трёх конститтивно-дифференциальных признаков делит всю систему на две совершенно одинаковые по численности группы коррелирующих (соотносящихся) фонем:

по признаку ряда	гласные заднего ряда	а о у (ы) и
	гласные переднего ряда	ё (ё, е) ю і ў
по признаку подъема	гласные широкие	а ё (а, ё) о ю
	гласные узкие	у (у) і ў

по признаку огубленности	гласные неогубленные	а ё (э, е) у (ы) і
	гласные огубленные	о ѿ и ѹ

Структура (лат. *structura* ‘строение’) тюркской вокалической системы (греч. *systēma* буквально ‘целое, составленное из частей’ — упорядоченная совокупность единиц) в силу своей симметричности может быть отражена в виде математической кубической модели, в виде трёхмерного геометрического куба *, на восьми вершинах которого размещены символы 8 тюркских гласных фонем (рис. 10). В этой схеме каждая фонема находится в точке пересечения трех координат, соответствующих трем конститутивно-дифференциальным признакам: ряда, подъема, огубления:

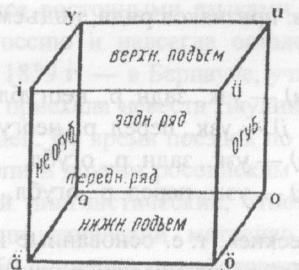

Рис. 10. Модель тюркского вокализма

На передней грани куба — гласные переднего ряда, на задней грани куба — гласные заднего ряда;

На верхней грани куба — гласные верхнего подъема (узкие), на нижней грани куба — гласные нижнего подъема (широкие).

На левой грани куба — гласные неогубленные, на правой грани куба — гласные огубленные.

Модель передает систему оппозиций каждой фонемы с точки зрения одномерности или многомерности этих оппозиций.

Если две фонемы различаются по одному признаку — это одномерная оппозиция, например, а — ё (э, е) (по ряду), а — у (ы) (по подъему), а — о (по огубленности).

Если две фонемы различаются по двум признакам — это двухмерная оппозиция, например, а — і (по ряду, по подъему), а — и (по подъему, по огублению) и т. д.

Если две фонемы противопоставлены по трем признакам, это трехмерная оппозиция, например, а — ѹ (по ряду, подъему, огублению).

В кубической схеме (или модели) тюркского вокализма члены одномерных оппозиций находятся на вершинах одного и того же ребра куба (а — ё (э, е), а — о, а — у (ы) и т. д.); члены двухмерных оппозиций — на концах диагоналей граней куба (а — і, а — и, а — ѿ и т. д.); члены трехмерных оппозиций — на противоположных вершинах куба (а — ѹ и т. д.).

Таким образом, каждая из восьми фонем вступает с тремя фонемами в одномерную оппозицию, с тремя фонемами — в двухмерную оппозицию, и с одной фонемой — в трёхмерную оппозицию.

Такова общая характеристика структурных отношений в системе краткого тюркского вокализма. Следует отметить, что здесь представлена идеализированная модель тюркского вокализма. В реальных языках системно-структурные отношения гораздо сложнее.

Но во многих тюркских языках, в том числе, — во всех сибирских тюркских языках гласные фонемы противопоставлены в системе не только по качественным (калитативным) признакам ряда, подъёма и огубления, но и по количественным (квантитативным) параметрам, т. е. по длительности. Подсистема долгих гласных в тюркских языках структурируется теми же дифференциальными признаками ряда, подъёма и огубления. Однако следует отметить, что не во всех тюркских языках полностью укомплектована подсистема узких долгих гласных; в ряде языков отсутствуют долгие фонемы ыы, ии, ѿ. Это свидетельствует о том, что узкий долгий вокализм исторически сформировался в тюркских языках позднее, чем широкий.

По происхождению тюркские долгие гласные являются гласными вторичного образования. Чаще всего они появлялись в результате выпадения интервокальных согласных (как правило, это звуки «ор», «ј», «р») и последующего стяжения гласных. Этот процесс может происходить внутри корневой морфемы (знаком * обозначаются древнетюркские реконструкции): * аүіз ‘рот, пасть’ → алт. оос «օ:s», кум. ағыс «аօғыз ~ а:s»; * баүіг ‘печень’ → алт. буур «ቡ:ր», кум. пагар «рағар ~ ра:ր»; * kidiz ‘войлок, кошма’ → алт. кийис «կիյիս», кум. կիյիս ~ կի:s»; * соңыц ‘холод’ → алт. соок «սօ:չ», * söjük ‘кость’ → алт. соöк «սօ:k» → «սօk»; * сїүн ‘марал’ → алт. сыгын «սъօղն», кум. սъօղն ~ սъ:n». При этом в языке могут образоваться пары квазиомо-

нимов, различающихся краткостью—долготой гласных, например, алт. *со:k* «*sɔ:q* ~ *sɔ:χ*» ‘холод’ — *сок* «*sɔq*» ‘бей!’, *сö:k* «*sø:k*» ‘кость’ — *сök* «*søk*» ‘распарывай’; кум. *aac* «*a:s*» ‘рот’ — *ac* «*as*» ‘мало’, *par* «*pa:r*» ‘печень’ — *par* «*par*» ‘есть, имеется’; *киис* «*ki:s*» ‘кошма’ — *кис* «*kis*» ‘резать’; *сыын* «*sъ:n*» ‘марал’ — *сын* «*sъn*» ‘правда’; туб. *саал* «*sa:l*» ‘борода’ — *сал* «*sál*» ‘класть’, *қаан* «*qa:n*» ‘царь’ — *қан* «*qán*» ‘кровь’.

Этот же процесс выпадения интервокальных согласных и последующего стяжения гласных может происходить при аффиксации, например, при образовании причастных форм на *-ap*: *cag+ap* = *cagap* «*saqaq*» → *caap* «*sa:r*» ‘будет доить’; *toq + ap* = *toqor* «*toqor*» → *to-or* «*to:r*» ‘будет мерзнуть’; или при образовании причастных форм на *-галақ/-гелек*: *ойна* ‘играть’ + *галақ* = *ойнагалақ* «*ejnaqalaχ*» → *ойнаалак* «*ejna:laχ*» ‘ещё не играл’; *сине* ‘мерить’ + *гелек* = *синегелек* «*sineqełek*» → *синеелек* «*sine:lek*» ‘еще не мерил’. В туба-диалекте алтайского языка в стяженных формах глагола в интервокальной позиции и в позиции после сонорных звук *g* выпадает, а гласный *a* становится долгим: *туштаан* «*tüʃta:n*» ← *туштаған* «*tüʃtäqan*» ‘встретил’, *параан* «*pága:n*» ← *парған* «*págoqan*» ‘пошел’, *сураан* «*súra:n*» ← *сурған* «*súrqaqan*» ‘спросил’, *қайнаан* «*qájna:n*» ← *қайнаган* «*qájnäqan*» ‘сварилось’, *алаан* «*ála:n*» ← *алған* «*áloqan*» ‘взял’; в этом заключается существенное отличие туба-диалекта от алтайского литературного языка, где подобного стяжения не происходит.

Кроме **вторичных (стяженных)** долгих гласных, в якутском и туркменском языках, а также и в некоторых других тюркских языках выделяют так называемые **первичные (этимологические)** долготы гласных у учёных нет единого мнения. Одни тюркологи реконструируют первичную долготу гласных в таких общетюркских словах, как *a:m* ‘имя’, *a:č* ‘голодный’, *ka:p* ‘снег’, *ka:c* ‘гусь’, *ky:c* ‘девушка’, *kö:k* ‘синий, голубой’, *kö:l* ‘озеро’, *o:n* ‘десять’, *o:m* ‘огонь’, *ö:t* ‘желчь’, *pa:r* ‘есть, имеется’ и т. д. Другие исследователи считают, что в действительности все тюркские долгие гласные являются гласными вторичного образования, а к первичным долготам принято относить условно все случаи долготы, не имеющие до определенного времени объяснения. Проведённые в ЛЭФИ экспериментально-фонетические исследования показали, что в алтайском литературном языке и в алтайских диалектах произношение так называемых «пер-

вичных» долгих гласных факультативно (*кар* «*χar ~ χa:r*» ‘снег’, тын «*tъn ~ tъ:n*» ‘ышать’, *töört* «*tö:töt*» ‘четыре’, *jöök* «*ħöχ ~ ħö:χ*» ‘нет’, *jööl* «*ħö:l*» ‘дорога’), т. е. первичная долгота гласных как система в алтайском языке не сохранилась.

В ряде тюркских языков Сибири — хакасском, шорском, чулымско-туркском, а также в северных диалектах Алтая отмечается **позиционная долгота гласных**: удлиняется (более) широкий гласный в открытом слоге слова перед (более) узким гласным последующего слога. Причём в этих случаях краткий широкий гласный удлиняется до длительности стяженного долгого гласного. Это удлинение носит фонологический характер, здесь происходит чередование кратких и долгих гласных фонем, например, кум. *tar* «*tar*» ‘порох’ — «*ta:gъm*» ‘порох=мой’, *at* «*at*» ‘конь’ — «*a:dъm*» ‘конь=мой’, *cam* «*sat*» — «*sa:dъr*» ‘продав’; туб. *pash* «*päʃ*» ‘голова’ — *пажым* «*päz'z'yt*» ‘голова=моя’, *peñi* «*reib*» ‘пять’ — *пежим* «*reib'z'yt*» ‘пятерка=моя’, *pel* «*reł*» ‘спина’ — *пелим* «*reib'lm*» ‘спина=моя’, *kol* «*qöl*» ‘рука’ — *қолым* «*qö:l'm*» ‘рука=моя’, *pök* «*röök*» ‘крышка’ — *пәэим* «*rö:b'yt*» ‘крышка=моя’, *köt* «*köł*» ‘озеро’ — *кәтим* «*kö:b'lim*» ‘озеро=мое’; шор. *парбадым* «*parba:dyrm*» ‘не уходил=я’, *келбесим* «*kel'b'e:sim*» ‘не приду=я’; чул.-турк. *семис* «*se:mis*» ‘жирный’, *темир* «*tz:mir*» ‘железо’. В хакасском языке удлинение широких гласных происходит только в 1-м слоге перед узкими гласными *y* и *i*: *чадыр* «*ʃ'a:dъg*» ‘лёжа’, *харын* «*χa:gъn*» ‘желудок’, *и:рин* «*i:rin*» ‘губа’. При этом 2-й слог должен начинаться звонким или сонорным согласным, перед долгим глухим согласным в хакасском языке такого удлинения не происходит: *чадыр* «*ʃ'a:dъg*» ‘лежит’, но *чатыр* «*ʃ'at:yg*» ‘уложи’. В непервых слогах широкий гласный удлиняется только перед *g* (*f*) + узкий гласный: *хулагы* «*χula:qyr*» ‘ухо=его’, но *палазы* «*palazъ*» ‘ребенок=его’. В этом хакасский язык несколько отличается от шорского языка и кумандинского диалекта алтайского языка, где широкие гласные удлиняются перед узкими гласными не только в первых слогах слова и не только перед *y* и *i*, но и перед значительно менее частотными узкими *u* и *ü*. Позиционная длительность гласных отмечается и в некоторых других тюркских языках — балкарском, гагаузском, тюркских языках Поволжья — башкирском, чувашском, а также в казахском, киргизском, азербайджанском, т. е. в языках кыпчакских или сильно кыпчакизированных (подвергшихся сильному влиянию кыпчакско-туркских языков).

Итак, вокальные фонологические системы в тюркских языках Сибири базируются на противопоставлении фонем по качественным (ряд, раствор, огубление) и количественным (краткость/долгота) параметрам. При этом каждый из языков имеет свою специфику.

Алтайский вокализм, насчитывающий 8 кратких (*a* [a], *e* [ε], *o* [ɔ], *ö* [ø], *ы* [ъ], *и* [i], *ү* [ü], *ÿ* [y]) и 8 долгих фонем (*aa* [a:], *ee* [ε:], *oo* [ɔ:], *öö* [ø:], *ыы* [ъ:], *ии* [i:], *үү* [ü:], *ÿÿ* [y:]), совпадает с общетюркской схемой. При этом долгие фонемы *ии* [i:] и *ыы* [ъ:] вследствие их низкой продуктивности следует считать периферийными, т. е. находящимися не в центре, а на окраине системы.

Ниже приведены пары слов-квазиомонимов, различие семантики которых основано на противопоставлении гласных одного и того же качества по длительности: *a / a:* *jaɪ* «ħaj» ‘лето’ — *ja:i* «ħa:j» ‘стелить’; *балу* «ħalù» ‘рана’ — *ба:lù* «ħa:lò» ‘дорогой’; *jan* «ħan» ‘бок, сторона’ — *ja:n* «ħa:n» ‘большой’; *e / e:* *me* «te» ‘на’ — *m:e* «t:ε» ‘мозг’; *o / o:* *ok* «ħɔq» ‘пуля’ — *o:k* «ħɔ:q» ‘мелочь’; *ö / ö:* *cök* «søk» ‘распарывай’ — *cö:k* «sø:k» ‘кость’; *i / i:* *чи* «ħçɪj» ‘пиши!’ — *чи:i* «ħçɪ:g:» ‘сырой’; *y / y:* *кур* «q'ög» ‘ремень’ — *ку:r* «q'ö:ğ» ‘жарить’; *ур* «ög» ‘лей!’ — *у:r* «ö:r» ‘трудный’; *jut* «ħöt» ‘ешь’ — *jy:t* «ħö:t» ‘неряшливый’; *ü / ü:* *күн* «kyn» ‘день’ — *кү:h* «ky:n» ‘желание’; *түш* «tyʃ» ‘слезай!’ — *тү:и* «ty:f» ‘сон’; *үр* «yr» ‘лай’ — *ү:r* «y:r» ‘стадо’.

Северные диалекты алтайского — чалканский и кумандинский не имеют некоторых долгих узких гласных фонем — в чалканском нет долгой фонемы *ии* [i:], в кумандинском — фонем *ии* [i:] и *ыы* [ъ:].

Спецификой диалекта туба-кижи, выделяющей его среди других южносибирских тюркских языков и диалектов и сближающих с якутским, является наличие трёх твердорядных дифтонгов: *ao* «äö», *ay* «äü», *ou* «öü» — *авом* «åwóm» / *аом* «äöt» ‘отец=мой’; *ägry* «äörg̊y» / *ovru* «ówrù» / *aoru* «äög̊y» ‘болезнь, боль’; *äüj* — *савын* «sáwñn» / *сайн* «sáün» ‘мыло’; *nävyr* «ráẘẙr» / *naur* «räẙr» ‘печень’; *näv* «ráẘ» / *naq* «raq̊» / *nay* «räẙ» ‘веревка’; *taf* «taor» / *tav* «taw» / *tov* «tow» / *tøy* «töy» / *may* «taüj» ‘гора’; *jay* «ħaüj» / *jar* «ħaør» ‘война’; *cayl* «säyl» ‘корнекопалка’; *kaurbym* «qäýrbët» ‘собирает’; *cajksy* «säýz̊y» ‘мысли=его’; *jauna* «ħäýpa» ‘законам=его’; *taush тырып* «täýstyg̊p̊» ‘сдавая’; *taus* «täýs» ‘шум’; *öý* — *jovoo* «ħöwöý» / *jo-su* «ħöwüý» / *jo-uš* «ħöfüý» ‘спокойный’; *pozow* «prözöw» / *pozog* «prözööf̊» / *pozoy* «prözöý» ‘теленок’; *cairuv* «säjgúw» / *cairou* «säjgöý» ‘топленое

масло’; *jejog* «ħejjöf̊» / *jejou* «ħejjöü» ‘пешком’; *toys* «töýs» ‘название рода’; *tøy* «töy» ‘нестись’; *ouyrıym* «ħüig̊g̊t̊m̊» ‘буду кричать’.

В перечисленных словоформах зафиксированы различные стадии свойственного кыпчакско-туркским языкам процесса перехода слабо артикулируемого язычкового звука «օ» в конечной и серединной позициях в губно-губной круглощелевой согласный «w» с последующим его выпадением и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту. Из южно-сибирских тюркских языков аналогичное явление отмечается в языке барабинских татар.

Кроме наличия дифтонгов, вокализм туба-кижи отличается от других алтайских диалектов фарингализованным произношением долгих гласных: *naç* «pás» ‘ходить’ — *naac* «pa:s» ‘вода’, *ot* «öt» ‘огонь’ — *oot* «ö:t» ‘разбивать’, *kol* «qɔl» ‘рука’ — *kool* «qɔ:ł» ‘долина’, *kur* «qúr» ‘пояс’ — *kuur* «qú:ğ» ‘жарить’, *köö* «kɔf̊» ‘переходить, переезжать’ — *kööş* «kɔ:ʃ» ‘чугунок’.

Тувинский вокализм на фоне других тюркских языков отличается качественным и количественным своеобразием. Тувинская система гласных состоит из 32 фонем: кроме традиционных для тюркских языков 8 кратких (*a* [a], *ы* [ы], *o* [ɔ], *у* [u], *e* [ε], *и* [i], *ö* [ø], *ү* [y]) и 8 долгих (*aa* [a:], *ыы* [ы:], *oo* [ɔ:], *уу* [u:], *ee* [ε:], *ии* [i:], *öö* [ø:], *үү* [y:]) гласных, выделяются 8 долгих назализованных (*aa* [ä:], *ыы* [ä:], *oo* [ɔ:], *уу* [ö:], *ee* [ë:], *ии* [i:], *öö* [ø:], *үү* [y:]) и 8 фарингализованных (*a* [ä~], *ы* [ä~], *o* [ɔ~], *u* [ö~], *e* [ë~], *ü* [i~], *ö* [ø~], *ü* [y~]) фонем.

Правомерность выделения в тувинском языке кратких, долгих и фарингализованных фонем подтверждается наличием в языке следующих квазиомонимов: *at* «at» ‘имя’ — *aat* «a:t» ‘качать’ — *äyt* «ä:t» ‘лошадь’; *et* «et» ‘имущество’ — *äet* «e:t» ‘затон’ — *ëyt* «ë:t» ‘мясо’; *yt* «yt» ‘посыпать’ — *äyt* «y:t» ‘шум’ — *äyt* «c:t» ‘собака’; *dic* «däps» ‘нанизывать’ — *diic* «däp:s» ‘кошка’ — *dic* «däp:s» ‘звукоподражание’; *düsh* «däẙf̊» ‘сон’ — *düyy* «däẙf̊» ‘согласовывать’ — *düyy* «däẙf̊» ‘день, полдень’; *ot* «ot» ‘огонь’ — *öyt* «ö:t» ‘трава’; *čop* «ħçöp» ‘правда’ — *čöyp* «ħçö:p̊» ‘гуща’; *čuk* «ħççyk» ‘сторона’ — *čüyk* «ħççy:ğ» ‘груз’.

Наличие долгих назализованных гласных фонем в системе вокализма тувинского языка является уникальным явлением, которое так последовательно не реализуется больше ни в одном из тюркских языков: *caam* «sä:t» ‘серебро’, *хыыргыш* «ħä:rgäf̊» ‘камыш’, *oop* «ö:t»

‘вор’, уур «Ӧ:г» ‘ступка’, ээт «Ӧ:t» ‘излучина’, сиир «Ӧ:i:r» ‘сухожилие’, өөк «Ӧ:k» ‘пуговица’, үүжсе «Ӧ:з» ‘запасы провинта’. Следует отметить, что употребление долгих назализованных гласных в тувинском языке ограничено, они имеются не во всех диалектах тувинского языка и их выделение в качестве самостоятельных фонем признаётся не всеми тувиноведами.

Хакасский краткий вокализм состоит из 9 единиц: кроме 8 фонем, выделяемых в других тюркских языках Сибири, в обоих опорных диалектах хакасского литературного языка — и в сагайском, и в качинском определяется дополнительно фонема, обозначаемая в орфографии буквой *i*. Как показал экспериментальный материал, гласный *i* [ъ] является более широким и отодвинутым назад, но более кратким, чем фонема *u* [ı]. Гласная фонема *i* [ъ] встречается во всех позициях в слове, например: *ic* ‘след’, *icmi* ‘внутрь’, *ticstig* ‘зубастый’, *kizi* ‘человек’, *tik* ‘шей’, *til* ‘язык’. В безударном положении между глухими гласный *i* [ъ] редуцируется, оглушается и часто выпадает.

Следует отметить, что гласный «ъ» встречается и в других тюркских языках Сибири, но в них он является позиционно-комбинаторным оттенком фонемы *u* [ı], употребляющимся после переднеязычных согласных *t*, *d*, *n*; в остальных позициях употребляются, как правило, переднерядные оттенки «i», «ı», например, *кум. til* «тыл» ‘язык’, *тиш* «тъль» ‘зуб’, *кис* «kis» ‘резать’, *тир* «ríg» ‘один’; *түв.* *тип* «търь» ‘континент’, *диши* «дълъ» ‘зуб’, *киш* «kiş» ‘соболь’, *хин* «хин» ‘пуповина’, *чиғ* «fıçı» ‘сырой’, *шил* «fil» ‘стекло’. В хакасском же языке этот звук является самостоятельной фонемой *i* [ъ].

В сагайском диалекте хакасского языка функционируют 16 гласных фонем: 9 кратких (*a* [a], *e* [e], *o* [o], *ы* [ъ], *и* [ı], *i* [ъ], *у* [u], *ö* [y], *ÿ* [ü]) и 7 долгих (*aa* [a:], *ee* [e:], *oo* [o:], *ыы* [ъ:], *ии* [ı:], *уу* [u:], *öö* [y:], *ÿÿ* [ü:]); краткие фонемы *i* [ъ] и *ÿ* [ü] не имеют долгих коррелятов (соответствий). В качинском диалекте — 17 гласных фонем: 9 кратких (*a* [a], *e* [e], *o* [o], *ö* [œ], *ы* [ъ], *и* [ı], *i* [ъ], *у* [u], *ÿ* [ü]) и 8 долгих (*aa* [a:], *ee* [e:], *oo* [o:], *öö* [œ:], *ыы* [ъ:], *ии* [ı:], *уу* [u:], *ÿÿ* [ü:]); фонема *i* [ъ] не имеет долгой пары.

В целом сагайский вокализм характеризуется как более передний и закрытый, чем качинский — более отодвинутый назад и открытый (с точки зрения сагайского вокализма), а следовательно, и более длительный: качинские гласные имеют большую ингерентную (вну-

треннюю, собственную) длительность, чем сагайские, что обусловлено большей открытостью качинского вокализма по сравнению с сагайским (по мнению сагайцев, речь качинцев — важная, медленная, отчетливая, а с точки зрения качинцев речь сагайцев — более «мягкая»).

Качественное своеобразие артикуляционно-акустических баз сагайцев и качинцев замедляет процесс унификации (лат. *unio* ‘единство’ + *facere* ‘делать’ — приведение чего-либо к единой форме, к единомуобразию) диалектов и формирования единого хакасского литературного языка.

Для хакасского вокализма, как и для кумандинского диалекта алтайского языка, характерен так называемый процесс «перебоя», или «перелома» гласных, свойственный также тюркским языкам Поволжья — татарскому и башкирскому, в которых древне-турецкие широкие гласные переходят в узкие: * ä → i, * ö → y, * o → u, а узкие расширяются, становятся полуширокими: * i → e, * y → ö, u → ö. В хакасском же языке процесс «перелома» гласных распространяется лишь на мягкорядный вокализм, в то время как в татарском и башкирском он охватывает и твердорядные гласные. Кроме того, в хакасском языке этот процесс субстанциально (материально) иной, чем в татарском и башкирском: если в поволжском регионе при «переломе» изменяется лишь степень подъема гласных, то в хакасском одновременно происходит сдвиг по ряду:

1) древнетюркские гласные в хакасском языке, сужаясь, продвигаются вперед: * ä → i и *i*, *ı* (1-я ступень, передний ряд), например: * eb → хак. «iб» ‘дом’, * em → хак. «im» ‘лекарство’, * et → хак. «it» ‘мясо’, * er → хак. «ir» ‘мужчина’, * bel → хак. «pir» ‘спина, поясница’, * ber → хак. «rir» ‘давать’, * bek → хак. «rik» ‘крепкий’, * men → хак. «min» ‘я’; * ö → сагайское «y» (1-я ступень, передний ряд), например: * öl- → хак. «yl» ‘умереть’, * tört → хак. «tyrt» ‘четыре’, * söz → хак. «sys» ‘слово’, * köp → хак. «kyp» ‘много’, * köl → хак. «kył» ‘озеро’, * kör → хак. «kyr» ‘смотреть’, * kök → хак. «kyk» ‘синий’;

2) расширяясь, гласные становятся и более задними: * i → i [ъ→ъ] (2-я ступень, центральнозадний или смешанный ряд), например: * in → хак. «ын» ‘нора’, * bir → хак. «ръг» ‘один’, * tiš → хак. «тиш» ‘зуб’, * kir → хак. «кърг» ‘грязь’; * y → y [œ/ɔ] (4-я ступень, центральнозадний ряд), например: * üc → хак. ös ‘три’, * ün → хак. öн ‘голос’, * bür → хак. röг ‘почка, лист’, * süt → хак. söt ‘молоко’.

Характерно, что, изменив в процессе «перелома» свои артикуляторные качества, хакасские гласные сохранили ингерентную (собственную) длительность и дистрибутивные характеристики,ственные их историческим прототипам (греч. *prototypon* ‘первоначальный образ’), что свидетельствует о генетической языковой памяти народа.

В якутском языке имеется 20 гласных фонем — кроме 8 кратких и соответствующих им 8 долгих коррелятов, простых по способу образования, выделяются 4 гласные фонемы, сложные по способу образования — 4 дифтонга, т. е. 4 монофонемных (однофонемных) сочетания двух гласных звуков, произносимых слитно и составляющих один слог; внутри монофонемного дифтонга не может быть проведена морфологическая граница; это дифтонги *иэ*, *үө*, *ыа*, *ую*, например: *тыал* ‘ветер’, *сиэл* ‘грива’, *быар* ‘печень’, *көрсүө* ‘смирный’, *суюх* ‘коса, волосы’.

Язык долган исторически был диалектом якутского языка, но из-за территориальной оторванности долган от якутов и сложных этногенетических процессов в становлении долганской народности значительно разошелся с якутским языком, главным образом в области лексики и фонетики. Этнические долгане — “оякученные” эвенки — с продвижением на Таймыр ассимилировали часть энцев и большую группу русских старожилов Таймыра.

Долганский **вокализм** в принципе имеет тот же состав, что и в якутском языке — 8 кратких простых монофтонгов, 8 долгих простых монофтонгов и 4 дифтонга: *быа* ‘веревка’, *тыас* ‘шум’, *биэс* ‘пять’, *үол* ‘мальчик’, *огуруо* ‘бисер’, *үөс* ‘желчь’, *туөс* ‘грудь’, *буөр* ‘почка’. Отличие долганских гласных от якутских заключается в артикуляторных настройках оттенков гласных фонем, что является следствием различия артикуляторно-акустических баз этих языков.

Такова общая характеристика тюркского вокализма и основные особенности систем гласных в тюркских языках Сибири.

Некоторые фонотактические закономерности

Фонотактика — раздел фонетики, изучающий правила сочетаемости звуков (фонов) в составе слова или морфемы. Ниже излагаются некоторые сведения о дистрибуции и комбинаторике звуков в тюркских языках Сибири — алтайском, хакасском, шорском, тувинском.

В начале слова (в анлауте) употребляются преимущественно шумные глухие согласные, которые составляют более 90 % всех согласных, встречающихся в этой позиции, и 2 малошумных (сонанта) — *м* «*m*», *н* «*n*». Малошумные *л* «*l*», *р* «*r*» почти не функционируют в анлаутной позиции в исконно тюркских словах, только в заимствованиях, но в этом случае согласному, как правило, предшествует протетический (надставной) сверхкраткий гласный, который добавляется к началу слова для облегчения произношения, например, алт. *ыраак* «*ға:χ*» ‘далеко’. Звонкие согласные также не употребляются в начале слова, исключение в алтайском языке составляет согласный *б*, который произносится в начале слова либо как конечнозвонкий, либо как оглушённый (например, *бар* «*b̥ar* ~ *bar*» ‘есть, имеется’); звонкость не является дифференциальным признаком этой фонемы. Из шумных глухих наиболее употребительными в анлауте являются увялярный (язычковый) к «*q* ~ *χ*» и заднеязычный (~ межуточноязычный) к «*k*», а также звуки *t* «*t*», *n* «*r*», ч «*ħʃ*». Наиболее частотное сочетание звуков в начале слова — *ка*- «*qa*- (~*χa*)».

Биконсонантные сочетания (сочетания двух согласных) в анлаутной позиции практически невозможны: осциллографические записи фиксируют здесь краткий гласный — либо предшествующий биконсонантному сочетанию (протеза), либо разделяющий сочетающиеся согласные звуки (эпентеза, т. е., вставка). Исключение составляют сочетания шумный глухой + малошумный (сонант): *pIV-* (*b̥IV-*), *snV-*, *qIV-*, *qrV-*, например, алт. *блааш* «*bla:ʃ*» ‘спор’, *слер* «*slər*» ‘вы’, *клат* «*qlat*» ‘скирда’; кум. *сней* «*sne:n*» ‘ваш’, *клыши* «*ql'ʃi*» ‘сабля’, *кра* «*qra*» ‘пашня’.

В конце слова (в ауслауте) употребляются шумные глухие согласные и все малошумные; причем, в отличие от инициальной (начальной) позиции, в финальной (конечной) относительная частотность шумных глухих и малошумных согласных примерно одинакова. Шумные звонкие согласные в позиции конца слова не функционируют. Наиболее употребительными в конце слова являются, как и

в алануте, увулярный (язычковый) к «*q ~ χ*» и заднеязычный (~ междуноязычный) к «*k*»; Наиболее частотное сочетание звуков в конце слова — *-ak* «-ақ ~ -аχ».

В биконсонантных сочетаниях конца слова первым компонентом, как правило, является один из малошумных — *p* «*г*», *l* «*л*», *j* «*ж*», вторым компонентом — шумный глухой согласный; чаще всего это сочетания *-pt* «-т^п», *-lt* «-т^л», *-tj* «-т^ж».

В интервокальной позиции (между гласными) употребляются в основном малошумные (сонанты) и шумные звонкие, составляющие вместе от 80 до 90 % всех согласных, реализующихся в этой позиции. Шумные глухие в интервокальной позиции составляют около 15 %, например, алт. *anagaš* «ар:аңаʃ» ‘белый’, *anapar* «ар:аңар» ‘нести’, *baatyr* «фа:tъrь» ‘богатырь’, *kamat* «χат:ап» ‘снова’, *otyk* «өт:ъхъ» ‘огнйво’, *baka* «фәq:а» ‘лягушка’, *alakan* «алаq:ан» ‘ладонь’, *sokы* «soq:ъ» ‘стула’, *bakyldaap* «фәq:ъlда:г» ‘квакать’, *böök* «ֆøk:ø» ‘силач’; кум. *mamat* «mat:ап» ‘очень, сильно’, *jamat* «ħat:ан» ‘рожь’, *chakaiak* «ħсаq:ажаχ» ‘цветок’.

Биконсонантные сочетания в середине слова в интервокальной позиции *-VCCV-* в тюркских языках очень частотны. Первым элементом сочетания больше, чем в 60 % случаев, являются малошумные (чаще всего *p* «*г*», *l* «*л*», *j* «*ж*»); в 30 % случаев — шумные глухие; вторым элементом сочетания в половине случаев являются шумные глухие, реже (30 %) — шумные звонкие и еще реже — малошумные.

Максимально распространенными в медиальной (серединной) интервокальной позиции являются сочетания:

шумный глухой + шумный глухой (32 %): *чакты* ««ħсаqъrь» ‘канкан’, *takta* «taxtta» ‘пол’;

сонант + шумный звонкий (29 %): *kanzə* «χаңза» ‘трубка’, *andый* «kандъј» ‘такой’; кум. *kyibat* «qыjbat» ‘дорогой’;

сонант + шумный глухой: *салкын* «salq:ып» ‘ветер’, *arka* «aғq:а» ‘спина’;

сонант + сонант: *mallıg* «mallı» ‘скот=имеющий’, *karmak* «χартахъ» ‘удочка’.

Наиболее частотными биконсонантными комбинациями в медиальной интервокальной позиции являются сочетания *-nd-*, *-ld-*, *-sq-*, *-sk-*.

Триконсонантные сочетания в середине слова *-VCCCV-* чрезвычайно редки. Первым компонентом в них может быть только

сонант — *l* «*л*», *p* «*г*», *j* «*ж*», *n* «*н*»; вторым и третьим — шумный глухой; наиболее часто встречаются сочетания *-ptk-* «-т^пк», *-ptn-* «-т^пн», *-tpt-* «-т^тп», *-itp-* «-т^ип», *-itk-* «-т^ик», *-jtq-*: алт. *jымыртка* «ħытъыртqa» ‘яйцо’; кум. *artpaan* «artpa:n» ‘не осталось’, *itptee* «ijtре:» ‘не толкай’, *aitkan* «ajtqan» ‘сказал’.

Шумные звонкие согласные в современных тюркских языках Сибири малочастотны, малопродуктивны.

Структура слога в тюркских языках Сибири — CVC, VC, CV, VCC, CVCC, т. е. наиболее распространенным является закрытый тип слога.

Одной из важных фонотактических характеристик языка является **консонантный коэффициент**, который определяется путем сопоставления количества гласных и согласных в звуковой цепи языка, например, в кумандинском диалекте алтайского языка на 100 гласных звуков в тексте приходится 146 согласных звуков — коэффициент консонантной насыщенности составляет 1,46 %. Такой высокий консонантный коэффициент из тюркских языков отмечается только в качинском и сагайском диалектах хакасского языка. Высокий коэффициент консонантной насыщенности сближает диалект кумандинцев и хакасский язык с обско-угорскими языками, что подтверждает гипотезу о наличии у народов алтае-саянского нагорья обско-угорского субстрата.

Сингармонизм

Сингармонизм (греч. *sυν* ‘вместе’ + *harmonia* ‘связь, созвукение’) — это закон, определяющий правила сочетаемости гласных и согласных звуков в словоформе. Сингармонизм как сложное явление, регламентирующее (лат. *regula* ‘правило’) фонетический облик всего слова — его вокальную и консонантную оси, особенности силлабики (слогоделения), является характерной чертой алтайской языковой общности.

Основной составляющей тюркского сингармонизма является гармония гласных.

Гармония гласных (ГГ) — это правило, определяющее последовательность гласных в слове при помощи ограниченного набора сингармонических моделей (СМ), имеющихся в данном языке. Выбор той или иной модели зависит от качества гласного начального слога в слове. Совокупность всех сингармонических моделей данного языка образует сингармоническую систему (СС) этого языка.

В тюркских языках принято различать нёбную (палатальную) и губную (лабиальную) гармонию гласных. В соответствии с законами нёбной гармонии гласных (НГГ) в пределах тюркской словоформы могут дистантично (лат. *distantia* ‘расстояние’) сочетаться гласные только одного сингармонического ряда — твердого или мягкого:

бала ‘ребенок’ — балалар (мн. ч.) — балалардын (исх. п.),
кижи ‘человек’ — кижилер (мн. ч.) — кижилердин (исх. п.).

Следует обратить внимание на необходимость отличать сингармонические ряды от артикуляторных рядов. С точки зрения палатального сингармонизма различаются два ряда: твёрдый и мягкий. С артикуляторной точки зрения в языках мира различают пять рядов: передний, центральный, центральнозадний, задний и смешанный (по классификации В.М. Наделяева). В каждом языке — своя система артикуляторных рядов гласных. Например, в монгольском языке выделяются гласные переднего, центрального и центральнозаднего рядов, в бурятском кроме переднего, центрального и центральнозаднего рядов имеются гласные смешанного ряда, в немецком языке — гласные переднего и центральнозаднего рядов. В тюркских языках вокализм представлен различными артикуляторными рядами, которые по-разному соотносятся с сингармоническими рядами.

Как показывают рентгенографические исследования, в алтайском языке гласные *a* [ɑ], *ы* [ъ] являются гласными центральнозаднего ряда, гласные *о* [ɔ], *ү* [ö] — центрального ряда, гласные *и* [i], *ў* [Y], *э* [ɛ], *ö* [œ] — переднего ряда, при этом фонема *ö* [œ] может быть представлена в речи и центральнорядным вариантом «ö» (факультативно): *кöl* «k'œl' ~ k' ö'l» ‘озеро’, *cöc* «s'œs' ~ s' ös' » слово. Совершенно очевидно, что гласные переднего артикуляторного ряда относятся к мягкому сингармоническому ряду, а вот твёрдый сингармонический ряд представлен в алтайском языке гласными центрального (*о*, *ү*) и центральнозаднего (*а*, *ы*) артикуляторных рядов. В кумандинском диалекте алтайского языка мягкий сингармонический ряд представлен гласными переднего артикуляторного ряда *и* [i], *е* [ɛ], *ö* [œ] и центрального артикуляторного ряда *ў* [ö]; твёрдый сингармонический ряд представлен центральнорядным *у* [ö] и центральнозаднерядными *а* [ɑ], *о* [ö], *ы* [ъ]. При этом гласные фонемы мягкого сингармонического ряда могут в некоторых позиционно-комбинаторных условиях выступать в гласных смешанного ряда, например, гласный звук «ъ» смешанного артикуляторного ряда является позиционно-комбинаторным оттенком фонемы *и* [i] и относится к мягкому сингармоническому ряду: *тил* «tъl'» ‘язык’ — *тиллэр* «tъl'f'er» ‘языки’ — *тили* «tъl'i» ‘язык=его’, *тиши* «tъl'sj» ‘зуб’ — *тиштер* «tъl'stžr» ‘зубы’ — *тиши* «tъl'sj» ‘зуб=его’.

Палатальная гармония довольно последовательно соблюдается в тюркских языках Сибири, хотя имеются и отдельные исключения: *акел* ‘привел’ ← *алып кел*, *арайен* ‘замедлил’, *парайен* ‘поехал’ — приведенные формы являются аналитическими (сложными, составными) по происхождению.

В соответствии с идеальной моделью губной гармонии гласных (ГГГ) в словоформе должны дистантично сочетаться либо только неогубленные гласные (см. приведенные примеры палатальной гармонии гласных), либо только огубленные: *согон* ‘стрела’ — *согондор* (мн. ч.) — *согондорго* (дат.-напр. п.); *кöl* ‘озеро’ — *кölдöр* (мн. ч.) — *кölдöргö* (дат.-напр. п.). Однако сфера реализации губной гармонии гласных в большинстве тюркских языков значительно уже, чем палатальной, и отклонения от заданной модели ГГГ многочисленны: *кölдöр* ‘руку’, *кöрди* ‘видел’, *путым* ‘нога=моя’, *тöлкe* ‘лиса’. Именно характером губной гармонии гласных и различаются, как правило, сингармонические системы в тюркских языках.

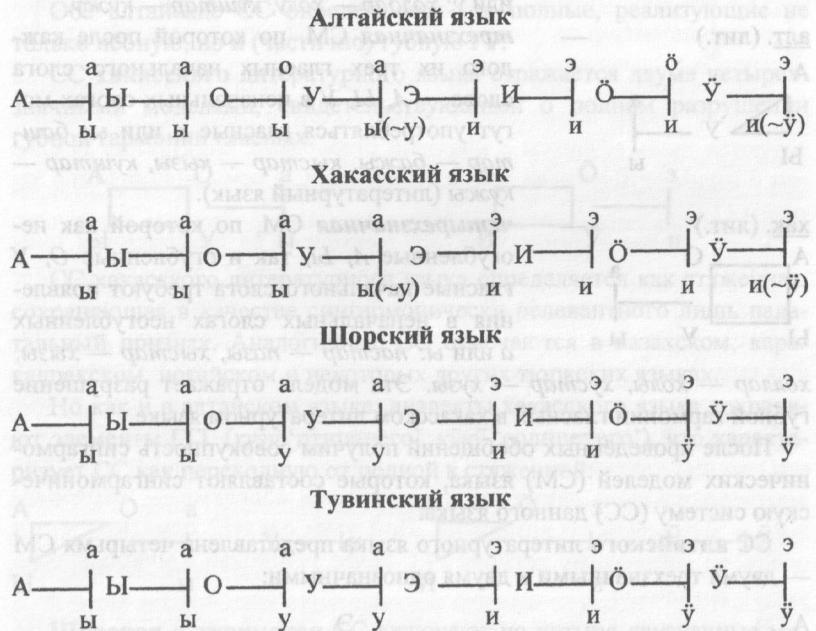
Анализ текстов на алтайском, хакасском, шорском и тувинском языках позволил выявить определенное число регулярно повторяющихся последовательностей гласных в словоформах — сингармонических цепочек (СЦ). Сопоставляемый лингвистический материал был ограничен двуслововыми именными словоформами, состоящими из однослогового корня и одного словоизменительного форманта (показателя) — аффикса множественного числа (имеющего в своем составе широкий гласный) или аффикса личной принадлежности 3-го лица единственного числа (имеющего в своем составе узкий гласный). Выявленные инвентари сингармонических цепочек по каждому из рассматриваемых языков приведены в таблице.

Сингармонические цепочки в тюркских языках Сибири

Алтайский		Хакасский		Шорский		Тувинский	
СЦ	Словоформа (орфограмма, семантика)	СЦ	Словоформа (орфограмма)	СЦ	Словоформа (орфограмма)	СЦ	Словоформа (орфограмма)
A-а	баштар ‘головы’	A-а	настар	A-а	наштар	A-а	баштар
A-ы	бажы ‘голова=его’	A-ы	пазы	A-ы	пажы	A-ы	бажы
Ы-а	кыстар ‘девушки’	Ы-а	хыстар	Ы-а	кыстар	Ы-а	кыстар
Ы-ы	кызы ‘девушка=его’	Ы-ы	хызы	Ы-ы	кызы	Ы-ы	кызы
O-о	колдор ‘руки’	O-а	холлар	O-а	коллар	O-а	холдар
O-ы	колы ‘рука=его’	O-ы	холы	O-у	колу	O-у	холу
У-а	куштар ‘птицы’	У-а	хустар	У-а	куштар	У-а	куштар
У-ы	кужсы ‘птица=его’	У-ы	хузы	У-у	кужсу	У-у	кужсу
У-у	~ кужсу (диалектное)	У-у	хузу (диал.)				
Э-э	эттер ‘мясо’	Э-э	кемнер ‘кто’	Э-э	эттер	Э-э	эъттер
Э-и	эди ‘мясо=его’	Э-и	кемні ‘кого’	Э-и	эди	Э-и	эъди
И-э	истер ‘следы’	И-э	истер	И-э	истер	И-э	истер
И-и	изи ‘след=его’	И-и	изи	И-и	изи	И-и	изи
Ö-ö	кёлдөр ‘озёра’	Ö-е	кёллэр	Ö-е	кёллэр	Ö-е	хёлдер
Ö-и	кёли ‘озера=его’	Ö-и	кёлї	Ö-ү	кёлү	Ö-ү	хёлү
Ү-э	күндер ‘солнца’	Ү-э	күннер	Ү-э	күннер	Ү-э	хүннер
Ү-и	күни ‘солнце=его’	Ү-и	күнї	Ү-ү	күнү	Ү-ү	хүнү
Ү-ү	~ күнү (диалектное)	Ү-ү	~ күнү (диал.)				

Обобщив правые части сингармонических цепочек (например, в алтайском языке после звука *A* первого слога во втором слоге может быть либо *a*, либо *ы*; после звука *ЫI* первого слога во втором слоге может быть либо *a*, либо *ы*; после звука *O* первого слога во втором слоге может быть либо *o*, либо *ы*; после звука *У* первого слога во втором слоге может быть либо *a*, либо *ы* (в диалектах ~ *у*) и

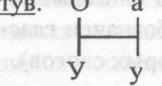
т. д.), получим для каждого языка ограниченное число сингармонических моделей (в каждой модели заглавной буквой обозначен гласный первого слога, маленькими буквами — гласные вторых слогов).

Если в языке имеется несколько сингармонических моделей с одинаковым набором гласных звуков в правой части модели, можно обобщить и левые части таких сингармонических моделей, например:

алт.

— однозначная СМ, в соответствии с которой только после огубленного широкого гласного *O* начального слога в неначальном слоге могут употребляться широкий огубленный *o* или узкий неогубленный *ы*: *колдор* — *колы*.

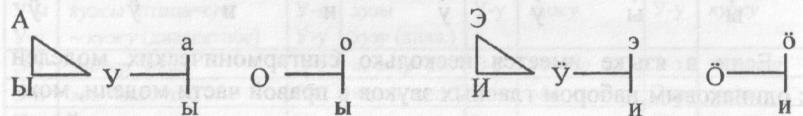
түв. — **двузначная** СМ, по которой как после начального *O*, так и после начального *U* в неначальном слоге употребляются гласные *a* или *u*: *холдар* — *холу*, *куштар* — *кужы*.

алт. (лит.) — **трехзначная** СМ, по которой после каждого из трех гласных начального слова — *A*, *Ы*, *У* в неначальных слогах могут употребляться гласные *a* или *ы*: *баштар* — *бажы*, *кыстар* — *кызы*, *куштар* — *кужы* (литературный язык).

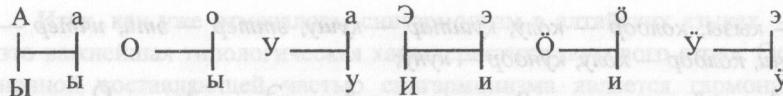
хак. (лит.) — **четырехзначная** СМ, по которой как неогубленные *A*, *Ы*, так и огубленные *O*, *У* гласные начального слова требуют появления в неначальных слогах неогубленных *a* или *ы*: *настар* — *назы*, *хыстар* — *хызы*, *холлар* — *холы*, *хустар* — *хузы*. Эта модель отражает разрушение губной гармонии гласных в хакасском литературном языке.

После проведённых обобщений получим совокупность сингармонических моделей (СМ) языка, которые составляют сингармоническую систему (СС) данного языка.

СС алтайского литературного языка представлена четырьмя СМ — двумя трехзначными и двумя однозначными:

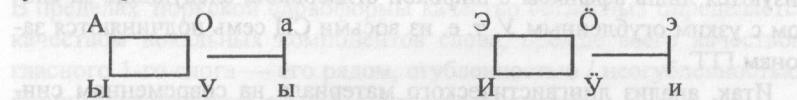

Лишь в двух из восьми сингармонических цепочек с огубленными гласными начального слова — *O-o* и *Ö-ö* — соблюдается губная гармония гласных, что свидетельствует о значительном её разрушении в нормированном алтайском языке. Однако в сельской местности носители языка алтай-кижи реализуют иной алгоритм, иное правило ГГГ (*кужы* ‘птица=его’, *күйү* ‘солнце=его’), отражающее более древнюю и более полную сингармоническую систему, состоящую из шести СМ — четырех однозначных и двух двузначных; при этом в четырех (из восьми) СЦ лабиальный (губной) признак сохраняет сингармоническую релевантность (значимость):

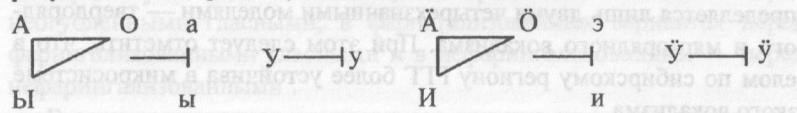
Обе алтайские СС определяются как полные, реализующие не только нёбную, но и (частично) губную ГГ.

СС хакасского литературного языка отражается двумя четырехзначными моделями, свидетельствующими о полном разрушении губной гармонии гласных:

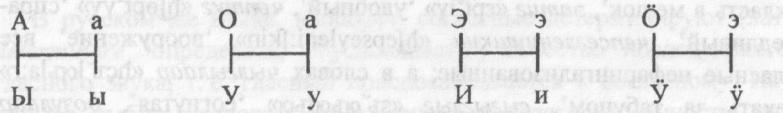

СС хакасского литературного языка определяется как стяженная, сохраняющая в качестве сингармонически релевантного лишь палatalный признак. Аналогичные СС отмечаются в казахском, каралпакском, ногайском и некоторых других тюркских языках.

Но как и в алтайском языке, диалекты хакасского языка сохраняют элементы ГГГ (*хуз* ‘птица=его’, *күйү* ‘солнце=его’), что характеризует СС как переходную от полной к стяженной:

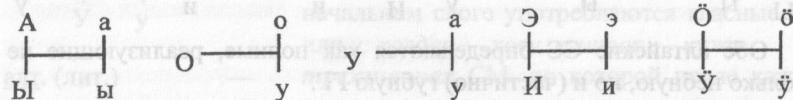

Шорская и тувинская СС включают по четыре двузначные модели, при этом в четырех из восьми СЦ с начальным огубленным гласным осуществляется дистантная ассимиляция по огублению, т. е. в шорском и тувинском языках в большей степени, чем в алтайском и хакасском, соблюдается ГГГ:

Представляет несомненный интерес сопоставление полученных результатов с данными по киргизскому языку, сыгравшему в историческом прошлом значительную роль в формировании южно-сибирских тюркских языков и, в частности, алтайского. Киргизская СС организована пятью сингармоническими моделями — двумя однозначными и тремя двузначными, например: *баштар* — *башы*, *кыздар*

— *кызы*, *колдор* — *колу*, *куштар* — *кушу*, *эттер* — *эти*, *ичтер* — *ичи*, *көлдөр* — *көлү*, *күндөр* — *күнү*:

Следовательно, киргизскому вокализму свойственно наиболее последовательное проведение губной гармонии гласных — не лабиализуются лишь аффиксы с широкой огласовкой, следующие за словом с узким огубленным *У*, т. е. из восьми СЦ семь подчиняются законам ГГГ.

Итак, анализ лингвистического материала на современном синхронном срезе развития тюркских языков Южной Сибири свидетельствует о разрушении губной гармонии гласных^{*}, определяющей специфику сингармонических систем. Выявленные алгоритмы реализации гармонии гласных позволяют определить СС в рассматриваемых языках как переходные от полных, включающих подсистемы и нёбной и губной гармонии, к стяженным, в которых признак огубленности гласных сингармонически нерелевантен, вследствие чего система определяется лишь двумя четырехзначными моделями — твердорядного и мягкорядного вокализма. При этом следует отметить, что в целом по сибирскому региону ГГГ более устойчива в микросистеме узкого вокализма.

В тувинском языке кроме нёбной и губной гармонии гласных действует закон фарингальной ГГ, по которому все гласные в словоформе должны быть либо нефарингализованными, либо фарингализованными — в зависимости от качества гласного первого слога, например, в словах *аптара* «ap^ta:ra» ‘сундук’, *хаптаар* «χap^ta:r» ‘класть в мешок’, *эптиг* «ep^ti:y» ‘удобный’, *чөптүг* «tʃept^tü:y» ‘справедливый’, *чепсегленишикин* «tʃepseyleni:fkin» ‘вооружение’ все гласные нефарингализованные; а в словах *чылгылаар* «tʃył^tla:r» ‘ехать за табуном’, *сыгыглыг* «s^yqygl^t» ‘согнутая’, *дозулаар* «d^zo^tula:r» ‘красить’, *отталыр* «o^tal^tyr» ‘позеленело’ все гласные фарингализуются, так как гласный 1-го слога — фарингализованный.

* Говоря о разрушении губной гармонии гласных, мы имеем в виду идеализированную модель, в соответствии с которой после огубленных гласных должны следовать только огубленные гласные. В действительности же ни в одном из известных тюркских языков — как современных, так и древних такая модель не зафиксирована. Поэтому точнее было бы говорить о специфике проявления ГГГ в каждом из языков.

Итак, как уже отмечалось, сингармонизм в алтайских языках — это важнейшая типологическая характеристика звукового строя. Основной составляющей частью сингармонизма является гармония гласных — это дистантная прогрессивная ассимиляция по ряду и огублению в тюркских и монгольских языках, по фарингализации — в тувинском, эвенском и некоторых других, по подъёму — в тунгусо-маньчжурских языках.

Но сингармонизм включает в себя и консонантный аспект. В пределах тюркской словоформы качество согласных определяется качеством вокальных компонентов слова, прежде всего качеством гласного 1-го слога — его рядом, огубленностью / неогубленностью, фарингализованностью / нефарингализованностью.

Таким образом, в языках алтайской общности происходит процесс аккомодации (лат. *acommodatio* ‘приспособление’) артикуляции согласных к артикуляции гласных. В зависимости от артикуляторного ряда гласных согласные употребляются либо в палатализованных оттенках (перед гласными мягкого ряда), либо в непалатализованных аллофонах (перед гласными твёрдого ряда); в огубленных оттенках — перед огубленными гласными, в неогубленных оттенках — перед неогубленными гласными; в фарингализованных вариантах перед фарингализованными гласными и в нефарингализованных — перед нефарингализованными^{*}.

В этом заключается кардинальное отличие звуковых систем русского и тюркских языков; отличие это — функционального характера.

В тюркских языках вокализм определяет собой фонетический облик (структурную) всей словоформы: по законам сингармонизма качество гласных и согласных неначальных слогов регламентируется качеством гласного начального слога словоформы.

В русском же языке, наоборот, согласные детерминируют (лат. *determinare* ‘определять, обусловливать’) качество последующего гласного звука, т. е. гласный приспосабливается к согласному. Например, выбор гласного в слоге зависит от палатализованности / непалатализованности (смягчённости / несмягчённости) предшествующего согласного: *пароход* «p'rygáxöt», но *пятилетний* «p'et'il'et'ká» — после непалатализованных согласных употребляются гласные

* В последнее время получает распространение точка зрения, в соответствии с которой фонетический облик сингармоничной словоформы в целом задаётся на суперсегментном уровне тембром определённого качества.

центральнозаднего и смешанного артикуляторных рядов, а после палатализованных согласных — гласные переднего ряда.

В русском языке гласные приспособливают свою артикуляцию к согласным, ведущим является консонантизм (система согласных), в тюркских же языках — как и в других языках урало-алтайской общности — наоборот, согласные приспособливаются к гласным, ведущим является вокализм.

Но если в тюркских языках процессы асимиляции гласных и процессы аккомодации согласных гласным в соответствии с законами сингармонизма распространяются на всю словоформу, то в русском языке гласные аккомодируют предшествующим согласным, как правило, в пределах одного слога.

Итак, типологически общая для тюркских языков Сибири модель сингармонизма имеет в каждом из них свою специфику реализации, корни которой следует искать в истории развития этносов.

Ударение

Проблема сингармонизма в алтайских языках тесно связана с проблемой ударения. Основные функции *сингармонизма* и *ударения* — общие: словоорганизующая (кульминативная, лат. *culminis* ‘вершина’) и разграничительная (делимитативная, лат *de...* ‘отделение’ + *limitis* ‘граница’; демаркационная, фр. *démarcation* ‘разграничение’).

Следствием такого дублирования функций является снижение роли ударения в языках алтайской общности, в том числе в тюркских языках, более слабая, чем в русском языке, степень выраженности ударения.

Поэтому вопрос о существовании ударения в тюркских и монгольских языках, о соотношении ударения и сингармонизма хотя и обсуждается лингвистами с XIX века, тем не менее, до сих пор остаётся дискуссионным.

По мнению одних исследователей, ударения в тюркских и монгольских языках с развитым сингармонизмом нет, функции ударения выполняет сингармонизм, нивелируя, сглаживая ударение. В тех же тюркских языках, на которые не распространяется действие законов сингармонизма (например, в некоторых диалектах узбекского языка), резко возрастает роль ударения. Другие исследователи считают, что

сингармонизм — это остаточное, распадающееся явление, а потому ведущим началом в организации слова становится ударение. По мнению третьей группы ученых, сингармонизм и ударение в тюркских языках существуют, взаимно дополняя друг друга. Эта точка зрения подтверждается и данными экспериментально-фонетических исследований.

Ученые, признающие наличие в тюркских языках ударения, сходятся в том, что ударение локализуется, как правило, на последнем слоге словоформы, хотя в каждом из языков имеются аффиксы, не принимающие ударения. В алтайском языке к таким аффиксам относятся, например, аффикс совместно-орудного падежа *-ла*: *малтала* ‘с топором’, *кайло* ‘с овцой’; аффикс сравнения *-тый*: *балайды* ‘как ребенок’, *эчкийдый* ‘как коза’; аффикс уподобления *-ча*: *балача* ‘с ребенком’, *согончо* ‘с луковицой’; во всех этих случаях ударение перемещается на предпоследний слог.

Здесь следует отметить наличие проблемы, образно характеризуемой как **турецкий фонетический парадокс**: ударение в тюркском слове падает на последний слог, но в соответствии с законами сингармонизма фонетический облик слова определяется качеством гласного 1-го слога. Существует точка зрения, разделяемая, однако, не всеми тюркологами, о наличии кроме главного ударения на последнем слоге второстепенного ударения на начальном слоге словоформы как остаточного явления.

Нет единства мнений у исследователей не только по поводу места ударения, но и по вопросу о характере, о природе тюркского словесного ударения. Объясняется это объективными причинами: различные тюркские языки могут иметь ударение различного типа — как музыкальное тоническое, так и динамическое, или силовое. Длительность (квантитативность) вряд ли может выступать как основной параметр словесного ударения, так как длительность функционально нагружена на сегментном уровне — для различия фонем.

Проблемы ударения, как и другие **проблемы суперсегментной фонетики** тюркских языков (интонация, слогоделение, тональность) ждут своих исследователей. Но, по предварительным данным, словесное ударение в алтайском языке можно охарактеризовать как музыкальное, преимущественно связанное (т. е. локализующееся на последнем слоге словоформы), подвижное — всякий раз при наращении аффиксов перемещающееся на последний слог.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список сокращений

ААБ — артикуляционно-акустическая база

ЛЭФИ ИФЛ СО РАН — Лаборатория экспериментально-фонетических исследований Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

ГГ — гармония гласных

ГГГ — губная гармония гласных

НГГ — нёбная гармония гласных

СМ — сингармоническая модель

СС — сингармоническая система

СЦ — сингармоническая цепочка

дат.-напр. п. — дательно-направительный падеж

исх. п. — исходный падеж

мн. ч. — множественное число

диал. — диалектное

Языки и диалекты

алт. — алтайский язык

англ. — английский язык

греч. — греческий язык

др.-т. — древнетюркский язык

кум. — кумандинский диалект

лат. — латинский язык

нем. — немецкий язык

рус. — русский язык

северо-алт.: — северо-алтайские

диалекты (кумандинский, чалканский, тубинский)

серб. — сербский язык

ст.-слав. — старославянский

язык

туб. — туба-кижи диалект

тув. — тувинский язык

укр. — украинский язык

фр. — французский язык

хак. — хакасский язык

чалк. — чалканский диалект

чеш. — чешский язык

чул.-турк. — чулымско-турк-

ский язык

шор. — шорский язык

як. — якутский язык

Библиография

Акишина А.А., Барановская С.А. Русская фонетика. М., 1980.

Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.

Бельтюкова Н.П. Консонантизм долганского языка (экспериментальное исследование). Томск, 2004.

Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-туркского языка. М., 1979.

Биткеев П.Д. Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965.

Бичелдей К.А. Гласные тувинского языка в потоке речи. Кызыл, 1989.

Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. М., 2001.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1977.

Боргояков М.И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учен. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. 12. Абакан, 1966. С. 81–98.

Будаев Б.Ж. Акцентуация бурятского языка. М., 1981.

Бюраева Э.И. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. Улан-Удэ, 1978.

Верте Л.А. Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2003.

Гаврилин Н.В. Система гласных фонем в языке бачатских телевутов (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.

Дамбыра И.Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 1. Вокализм. Якутск, 1971.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.

Карпов В.Г. Сопоставительная фонетика хакасского и русского языков. Абакан, 1995.

Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Новосибирск, 2007.

- Кечил-оол С.В.* Типологическая специфика консонантизма сутхольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006.
- Кирсанова (Мандрова) Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск, 2003.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Кокорин В.Н.* Вокализм в языке чалканцев (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.
- Куркина Г.Г.* Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000.
- Кыштымова Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 2001.
- Лукъянова Н.А.* Современный русский язык. Лекции по фонетике. Новосибирск, 1999.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.
- Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. Л., 1948.
- Меркурьев К.В.* Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
- Наделяев В.М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.;Л., 1960.
- Наделяев В.М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Наделяев В.М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–4.
- Наделяев В.М.* К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.
- Попова Я.Н.* Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005.

- Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.
- Селютина И.Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.
- Селютина И.Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1998.
- Селютина И.Я.* Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000.
- Соктоева С.П.* Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. Новосибирск, 1988.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика.* М., 1984.
- Субракова В.В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2007.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Убрятова Е.И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.
- Убрятова Е.И.* Язык народа — исторический источник // Проблемы этногенеза народов и языки Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973. С. 212–215.
- Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка: к проблеме типологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002.
- Феер Б.Б.* Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998.
- Чанков Д.И.* Согласные хакасского языка (Опыт экспериментального исследования). Абакан, 1957.
- Черкасский М.А.* Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М., 1965.
- Чумакаева М.Ч.* Согласные алтайского языка. Горно-Алтайск, 1978.
- Шалданова А.А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2007.

Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск, 2001.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск, 2005.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. М., 1955.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

Radloff W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1882.

Ческое исследование. Новосибирск, 2001.

Одевалат А.А. Фонетика языка и диалектов Южного Урала. Новосибирск, 2005.

Мартине А. Прим. М. якотонофын. О.Э. Народы Сибири

Маркус К.В. Баштско-телеутский язык и алтайский. Автор

П.А. финнэтэн. Гл. якота R.М.Э. якота

С.Т. Узаков. Ц. якота. О.Н. якота. якота

Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота.

Маркус К.В. Баштско-телеутский язык и алтайский. Автор

П.А. финнэтэн. Гл. якота R.М.Э. якота

С.Т. Узаков. Ц. якота. О.Н. якота. Якота. Якота. Якота.

Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота.

Маркус К.В. Баштско-телеутский язык и алтайский. Автор

П.А. финнэтэн. Гл. якота R.М.Э. якота

С.Т. Узаков. Ц. якота. О.Н. якота. Якота. Якота. Якота.

Попова Я.Н. Фонетические особенности языка манси. Автор

П.А. финнэтэн. Гл. якота R.М.Э. якота

Рассадин В.Н. Фонетика языка и диалектов сибирской Сибири. Автор

П.А. финнэтэн. Гл. якота R.М.Э. якота

Рыжикова Т.Р. Консонантный анализ башкирских татарских говоров. Автор

Ш.М. якота. Гл. якота. Якота. Якота. Якота. Якота.

Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота. Якота.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СИБИРИ	3
Консонантные системы в языках народов Сибири	3
Типы систем согласных фонем	7
Консонантные системы с оппозицией по напряженности	7
Системы с двойной оппозицией по напряженности	8
Системы с тройной оппозицией по напряженности	9
Консонантные системы с оппозицией по звонкости / глухости	11
Консонантные системы с оппозицией по длительности	12
Вокальные системы в тюркских языках Сибири	16
Некоторые фонотактические закономерности	27
Сингармонизм	30
Ударение	38
ПРИЛОЖЕНИЕ	40
Список сокращений	40
Языки и диалекты	40
Словарь фонетических терминов	41
Библиография	44

Широбокова И.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск, 2001.

Широбокова И.Н. От якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск, 2002.

Щерба А.А. Язык якутов. СПб., 1912.

Якутско-консонантизм в языках Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1970.

Г. Г. Широбокова. Якутско-консонантизм в языках Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1970.

Селютина Ираида Яковлевна

ЗВУКОВЫЕ СИСТЕМЫ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ

Учебное пособие

Редактор С. В. Исакова

Подписано в печать 11.04.2008. Формат 60×84/16.

Уч.-изд. л. 3. Усл. печ. л. 2,6.

Заказ № 173 Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2